

М.А. Рожкова, В.Н. Глонина, А.А. Семенова

**Права человека в алгоритмическом обществе: об «угрозах»
алгоритмов, искусственного интеллекта и больших данных**

Аннотация: В данной статье авторы рассматривают понятия искусственного интеллекта и алгоритма и принципы их функционирования, что является ключевым в вопросе их правовой природы. Отмечается, что в отдельных случаях работа алгоритмов может вести к серьезным нарушениям прав человека в самых разных областях. Во многом это связано с большими данными и проблемами их обработки.

Искусственный интеллект (*artificial intelligence*, далее – ИИ, интернет вещей (*internet of things*, IoT), аналитика больших данных (*big data analytics*) – эти технологии по значимости уже сравнивают с Интернетом и зачастую характеризуют как «открывающие новые горизонты» и «позволяющие изменить мировой порядок». В то же время активно развивающаяся «алгоритмизация», предполагающая автоматическую обработку данных и возложение поиска решения на машину, неоднозначно оценивается юридическим сообществом. И все чаще звучат выводы о том, что новые технологии могут негативно сказываться на правах человека, в том числе фундаментальных правах, охраняемые Конвенцией о защите прав человека и основных свобод: в условиях, когда на машину возлагается принятие решений, которые раньше относились исключительно к компетенции людей, не могут не возникать вопросы в отношении полноты реализации права на справедливое судебное разбирательство и презумпцию невиновности, право на неприкосновенность частной жизни, свободу выражения мнения и другие.

При этом нередко высказываются предложения о необходимости качественного преобразования концепции прав человека, в том числе ввиду появления новых прав, например, права на доступ в Интернет, а также о расширении субъектного состава за счет признания правосубъектности за роботами. В настоящей работе предпринимается попытка разобраться, насколько новые технологии могут оказывать влияние на права человека.

Алгоритмы

Сказанное выше послужило предпосылкой для включения в Доклад Совета Европы «Алгоритмы и права человека»¹ (далее – Доклад об алгоритмах и правах человека или Доклад) заключения, согласно которому алгоритмы и

¹ Algorithms and Human Rights. Study on the human rights dimensions of automated data processing techniques and possible regulatory implications. Council of Europe study DGI (2017)12 // <https://rm.coe.int/algorithms-and-human-rights-en-rev/16807956b5>

иные технологии, позволяющие принимать решения на основе автоматизированной обработки данных, вполне способны негативно влиять на фундаментальные права человека. Вместе с тем в нем подчеркивается, что не во всех случаях такое влияние будет со знаком «минус» – в зависимости от типа выполняемых функций алгоритма, уровня его абстракции и сложности автоматизированной обработки, его влияние на осуществление прав человека будет различным. В связи с этим в Докладе нет скоропалительных однозначных выводов об исключительно отрицательном влиянии алгоритмов и иных технологий на реализацию прав человека и лишь признается, что новые технологии представляют собой вызов сложившимся подходам в защите прав человека и требуют детального изучения, общественной вовлеченности в этот процесс.

В развитие сказанного в Докладе об алгоритмах и правах человека отмечается, что исследования на данную тему требуют уточнения, о каких разновидностях алгоритмов будет идти речь, и дается небольшой обзор сформулированных на сегодняшний день дефиниций понятия «алгоритм». При этом подчеркивается, что названное понятие будет по-разному определяться в зависимости от того, используется ли оно в сфере информатики, математики, в средствах массовой информации, в политических и социальных дискурсах. Кроме того, должно учитываться и расхождение между формальными определениями алгоритма и его популярным толкованием, в противном случае дискуссия имеет все основания скатиться к обсуждению не столько алгоритмов, сколько новых технологий вообще.

Доклад об алгоритмах и правах человека содержит, в частности, указание на позицию Тарлетона Гиллеспи, высказавшегося в следующем ключе: «...алгоритмы не должны быть программным обеспечением: в широком смысле они представляют собой закодированные процедуры преобразования исходных данных в желаемый результат на основе заданных вычислений. Процедуры выявляют как проблему, так и шаги, с помощью которых она должна быть разрешена»¹. С учетом этого в Докладе обращается внимание на то, что алгоритмы воспринимаются как «ряд мер, предпринимаемых для разрешения конкретной проблемы или достижения определенного результата»². Далее в нем подчеркивается, что исследование о влиянии алгоритмизации на права человека не предполагает обсуждения алгоритмов, которые автоматизируют производственные процессы или выполняют какие-либо рутинные задачи – обсуждению должны подвергаться алгоритмы, которые являются цифровыми и затрагивают общество в целом, что позволит сосредоточиться на алгоритмических решениях, имеющих значение для прав человека. В Докладе

¹ Gillespie Tarleton. The Relevance of Algorithms. 2014. P. 167–94, in: Media technologies: Essays on communication, materiality, and society, edited by T. Gillespie, P.J. Boczkowski and K.A. Foot. Cambridge Mass.: MIT Press.

² Diakopoulos Nicholas. Algorithmic Accountability // Digital Journalism 3(3), 2015. P. 398–415

отмечается, что как методы обработки данных, так и алгоритмы создаются и управляются людьми, вследствие чего значение такой обработки/использования алгоритма не может быть понято без учета социальных конструкций, которые существуют вокруг них.

Последнее заключение перекликается с позицией Джека М. Балкина, профессора Йельской школы права, который обратил внимание на беспокойство людей по поводу того, что новые технологии – алгоритмы, искусственный интеллект, роботы – вытеснят их и будут иметь власть над ними¹. Однако, как он подчеркивает, вопрос не в роботах и ИИ – за ними стоят люди и компании, которые используют технологии для принятия решений. С учетом этого Дж. Балкин говорит о сформировавшемся сегодня *алгоритмическом обществе* – обществе, которое основано на алгоритмах и технологиях, и *алгоритмическом веке*, в котором идет борьба за сбор, передачу и использование данных (информации).

В качестве отличительных черт алгоритмического общества Дж. Балкин называет возникновение значимых интернациональных интернет-площадок (платформ), которые по своим роли и влиянию находятся где-то между государствами и отдельными индивидуумами: эти площадки используют алгоритмы и технологии, основанные на ИИ и аналитике больших данных, с тем, чтобы управлять большими группами лиц – пользователями. Это влияние предопределяется политикой социальных сетей, различных сайтов, интернет-площадок, которые могут тем или иным образом ограничивать свободу слова и другие права человека.

Как отмечает Дж. Балкин, в XXI веке больше не наблюдается дуализм, в рамках которого национальные правительства рассматриваются как регуляторы свободы слова, а частные лица как реализующие свое право на выражение своего мнения. В современном мире, по его мнению, сформировался некий треугольник, определяющий границы свободы слова: его грани – это правительства, отдельные индивиды и компании, составляющие инфраструктуру Интернета. Причем последние действуют на глобальном уровне, оказывая влияние на все группы лиц: возможность обработки больших объемов информации и использование алгоритмов дает им возможность отслеживать действия человека, вводить дискриминационные требования и ограничения, в том числе ограничивать свободу слова и вторгаться в частную жизнь.

Интернет-площадки, особенно крупные, например, Facebook и Google, сегодня могут представлять реальную угрозу для прав человека, особенно для права на неприкосновенность частной жизни. Нарушение основополагающих прав человека заложено в самой модели ведения бизнеса, использующей

¹ Jack M. Balkin. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation // https://lawreview.law.ucdavis.edu/issues/51/3/Essays/51-3_Balkin.pdf

практику сбора данных пользователей. Эта идея отражена, в частности, в докладе правозащитной организации Amnesty International «Гиганты, осуществляющие слежку: как бизнес-модель компаний Google и Facebook угрожает правам человека» («*Surveillance Giants: How the Business Model of Google and Facebook Threatens Human Rights*»)¹, опубликованном 21 ноября 2019 г.

Например, Facebook, обвиняется в создании так называемых *shadow profiles* (теневые профили) – файлов, содержащих определенную информацию о лице, не являющемся зарегистрированным пользователем сети (в частности, социальная сеть может сохранять его телефонный номер, адрес электронной почты и другие данные об этом лице, включая данные из файлов cookie, пикселей отслеживания и данных о местонахождении). Подобная информация собирается социальной сетью, когда уже зарегистрированные пользователи предоставляют доступ к своей электронной почте или контактам в телефоне². Полученная таким образом информация преобразуется в *shadow profiles* тех лиц, данные которых она получила, и в случае регистрации кого-нибудь из них в этой социальной сети алгоритмы мгновенно идентифицируют новичка, дополняя сведения о нем из имеющегося *shadow profiles*. В итоге в информационном банке Facebook может храниться второй адрес электронной почты или номер домашнего телефона вновь зарегистрированного пользователя, хотя при регистрации он их не указывал. В свое время Facebook признала, что допустила утечку личных данных 6 млн пользователей, и объявила о том, что исправила ошибку в программном обеспечении³, но работа программы сбора данных людей, которые не являются пользователями социальной сети, не была остановлена.

Другим примером, как правило, влекущим серьезные нарушения прав человека, сегодня признается ошибка алгоритма, которая создает вероятность принятия дискриминационного решения.

Одной из самых ярких иллюстраций подобного «дискриминационного сбоя» алгоритма является имевшее место в 2015 году нарушение принципа гендерной нейтральности при автоматизированной оценке кандидатов на должности разработчиков программного обеспечения и другие технические вакансии в компании Amazon⁴. С учетом того, что система ИИ обучалась на основании резюме 10-летней давности, ИИ сделал вывод о том, что кандидатуры соискателей-мужчин были предпочтительнее для приема на работу (поскольку в тот период подавляющее большинство резюме размещалось мужчинами). В

¹ *Surveillance Giants*. How the Business Model of Google and Facebook Threatens Human Rights POL 30/1404/2019 // <https://www.amnesty.org/download/Documents/POL3014042019ENGLISH.PDF>

² *Alessandro El Khoury*. Personal Data, Algorithms and Profiling in the EU: Overcoming the Binary Notion of Personal Data through Quantum Mechanics // *Erasmus Law Review*, 3, (2018):165–177.

³ *Kate Knibbs*. What's a Facebook shadow profile, and why should you care? // <https://www.digitaltrends.com/social-media/what-exactly-is-a-facebook-shadow-profile/>

⁴ *Jeffrey Dastin*. Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G>

итоге поступающие резюме, содержащие указание на «женский» (например, «капитан женского шахматного клуба» или «выпускница женского колледжа»), отбраковывались. После выявления данного факта компания Amazon скорректировала систему и объявила, что ее рекрутеры смотрели на рекомендации, сгенерированные этой системой, при поиске сотрудников, но никогда не полагались исключительно на нее.

Другим не менее одиозным примером стали ошибки алгоритма в работе программы COMPAS (Northpointe Inc.), на которую возлагалось решение вопросов об условно-досрочном освобождении заключенных в США: эта система почти в два раза чаще присваивала коэффициент «низкий риск совершения повторного преступления» белым заключенным, нежели темнокожим (47,7% против 28%), что было отражено в специальном докладе¹.

Вследствие сказанного эксперты придерживаются мнения, что до создания справедливого, понятного и объяснимого алгоритма еще далеко и на сегодняшний день весьма велика вероятность принятия дискриминационного решения в связи с намеренным или случайным искажением информации. Одновременно с такими опасениями в юридической литературе отмечается потенциал новых технологий, в том числе для реализации фундаментальных прав человека. Например, персонализированные сервисы могут быть весьма полезны и желательны для пользователей, поскольку они позволяют находить новые площадки для самовыражения, творчества, новые формы взаимодействия и коммуникации.

Искусственный интеллект

Усилиями философов и журналистов в обществе сформировалась иллюзия о существовании самостоятельного разумного субъекта – ИИ. По всей видимости, именно она способствовала формулированию идеи о необходимости признания «электронной личности» для обеспечения прав и обязанностей ИИ, в связи с чем Европейским парламентом предлагалось разработать ряд нормативных актов, регулирующих использование и создание ИИ и роботов². Активное обсуждение данной идеи привело к созданию прецедента признания за роботом, управляемым ИИ, *правосубъектности* – речь идет об известном человекоподобном роботе Софии, получившей гражданство Саудовской Аравии³.

¹ How We Analyzed the COMPAS Recidivism Algorithm by Jeff Larson, Surya Mattu, Lauren Kirchner and Julia Angwin May 23, 2016 // <https://www.propublica.org/article/how-we-analyzed-the-compas-recidivism-algorithm>

² Give robots 'personhood' status, EU committee argues // <https://www.theguardian.com/technology/2017/jan/12/give-robots-personhood-status-eu-committee-argues>

³ *Morby Alice*. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // <https://www.dezeen.com/2017/10/26/saudi-arabia-first-country-grant-citizenship-robot-sophia-technology-artificial-intelligence-ai/>

В то же время в большинстве стран позиция, предполагающая признание ИИ или робота полноценным субъектом права, пока не нашла широкой поддержки. Это обусловлено тем, что в настоящее время ИИ представляет собой интеллектуальную систему (информационно-вычислительную систему), способную без участия человека решать разнообразные задачи, в том числе относящиеся к творческим, а также самообучаться в ходе решения этих задач¹. Такая система включает три основных блока:

– базы данных (наборы больших данных) и знаний о предметной области, включая результаты машинного обучения;

– решатель – компьютерную программу, которая на основе специализированных обучающихся алгоритмов, разрешает поставленные задачи;

– интеллектуальный интерфейс – совокупность средств, методов и правил, которые позволяют человеку вести общение с самой интеллектуальной системой.

В статье Википедии, посвященной ИИ², обращается внимание на то, что словосочетание *Artificial Intelligence*, предложенное Дж. Маккарти еще в 1956 году, вовсе не связывалось его автором с пониманием интеллекта у человека – под *intelligence* понималась «вычислительная составляющая способности достигать целей в мире»³, разные виды которой встречаются не только у людей, но и у животных, и некоторых машин. В связи с этим в отечественных публикациях обычно подчеркивается, что слово «*intelligence*» в используемом контексте означает скорее «умственные способности» или «умение рассуждать разумно», а вовсе не «интеллект», для которого есть английский аналог «*intellect*».

Как пишет Константин Хайт, словосочетание «искусственный интеллект» сегодня имеет совсем не тот смысл, который пытаются вложить в него журналисты и философы, и более того, это словосочетание представляет собой одну из главных лингвистических подтасовок современности: «То, что человек решает некоторую задачу определенным способом, вовсе не означает, что компьютер решает ее точно таким же способом... Однако вольная или невольная подтасовка, кроющаяся за словосочетанием “искусственный интеллект” намного глубже»⁴. Поясняя свою позицию, автор далее подчеркивает: «Интеллект – это штука, прямо обратная алгоритму, который... есть “ясная, точная последовательность действий, заведомо приводящая к результату”. Словосочетание “интеллектуальные алгоритмы” – оксюморон, интеллект как раз

¹ См. подробнее: Рожкова М.А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 23 ноября // https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty_что_это_такое_или_кто_это_такое

² Искусственный интеллект // https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственный_интеллект

³ McCarthy John. What is Artificial Intelligence? // <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (see: Basic Questions)

⁴ Блог Константина Хайта // <https://www.facebook.com/konstantin.khait/posts/2479784552042775>

и применим в тех случаях, когда приемлемого алгоритма не существует... Проблема в том, что человек и компьютер устроены фундаментально по-разному. Всё, что умеет компьютер – считать. Выполнять последовательные вычислительные операции с сумасшедшими по человеческим меркам скоростями. Компьютер спроектирован для реализации алгоритмов, и эту задачу он решает блестяще. Человек изначально не приспособлен для выполнения алгоритмов... мы не умеем вычислять. Наш мозг приспособлен для единственной операции – поиска ассоциативных связей. Любую задачу человек решает подбором подходящих ассоциаций. И делает это несоизмеримо лучше любого компьютера»¹.

В качестве примера К. Хайт. рассматривает распознавание лиц: «Действительно, эту задачу человек и машина сейчас решают приблизительно на одном уровне успешности. Правда, делают это совершенно по-разному. Компьютер обсчитывает характеристические точки и вычисляет корреляцию, человек ищет в памяти ассоциации и устанавливает связи между ними. Пока речь идет о частном вопросе “определите кто это”, оба подхода дают примерно эквивалентные результаты. Но если ставить задачу шире, пути человека и компьютера резко расходятся в соответствии с принципами функционирования. Машина, выполняющая алгоритм, с относительной легкостью обсчитает хоть десять изображений, хоть пятьсот, хоть полмиллиона, хватило бы вычислительных мощностей... Зато homo sapiens столь же просто определит доброе перед ним лицо или злое, взволнованное или спокойное, привлекательное или отталкивающее. Наш мозг заточен не на перебор, а на сравнение, причем сравнение ассоциативное, то есть использующее неполностью определенный эталон»².

Подобной позиции придерживается и, например, профессор МГУ, нейрофизиолог А.Я. Каплан, который, ссылаясь на нобелевского лауреата Ричарда Феймана, пишет о том, что искусственный интеллект невозможно приравнять к человеческому, поскольку основными чертами человеческого интеллекта является возможность самопознания и самосознания, которых нет у искусственного интеллекта³.

Таким образом, на сегодняшний день нет оснований признавать искусственный разум равным человеческому: *ИИ сегодня – это только быстрое действующая вычислительная машина, использующая заложенные в нее обучающиеся алгоритмы для решения конкретных задач.*

Искусственный интеллект как технология, основанная на математических вычислениях, не способна к многофакторному анализу ситуации (в том числе на основе морально-этических принципах, интуитивному и эмоциональному

¹ Там же.

² Там же.

³ <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2585540271522906&set=a.602223596521260&type=3&theater>

восприятию, критической оценке вводной информации). В связи с этим при попытках замены человека ИИ существуют серьезные риски принятия несправедливых, дискриминационных решений, ведущих к ограничению прав человека, на что уже указывалось в начале настоящей работы. Это отмечается и в докладе Комиссара Совета Европы по правам человека Д. Миятович «Соблюдение прав человека в эру искусственного интеллекта», которая подчеркивает, что «использование ИИ, алгоритмов, лежащих в его основе, может негативно повлиять на целый спектр прав человека»¹. Причем к наиболее проблемным аспектам отнесено вмешательство в право на неприкосновенность частной жизни и право на равенство, негативное влияние ИИ на свободу выражения мнений и собраний.

Признав, что работа ИИ строится на использовании алгоритмов, которые были рассмотрены в предыдущей части настоящей статьи, следует перейти к случаям, когда ИИ находит «воплощение» в работе.

Слово «робот» у многих вызывает стойкую ассоциацию с человекоподобными роботами, которые могут управлять конечностями, слухом, зрением и речью, манипулировать предметами, общаться с человеком и т.д. Между тем, различаясь по своему назначению и выполняемым функциям (например, промышленные роботы бывают сварочные, режущие, комплектовочные, сборочные, упаковочные и иные), роботы существенно отличаются и по внешнему виду: нередко робот – это всего лишь механическая «рука», которая осуществляет запрограммированные манипуляции. Да и роботы-гуманоиды, управляемые ИИ, далеко не во всех случаях полностью воспроизводят человека, например, уже упоминавшийся робот София имеет только верхнюю часть «туловища», а задняя часть ее головы сделана из прозрачного пластика, через который видно устройство ее «мозга».

«Носителями» ИИ признаются роботы третьего поколения – *интеллектуальные роботы*, которые предназначены не только для осуществления физических и двигательных функций, но и для решения интеллектуальных задач. Именно такого рода роботы создали иллюзию возникновения новой разумной личности – электронной. При этом неожиданно были обнаружены и фискальные интересы государств: исходя из того, что роботы занимают рабочие места людей, казна различных государств будет лишаться налогов, уплату которых было предложено возложить на роботов.

Вместе с тем инициатива Европейского парламента, предложившего обеспечить правовым регулированием «электронную личность» – роботов, управляемых ИИ, и тем самым распространить на них права человека, а также возложить и уплату соответствующих налогов, не встретила поддержку среди

¹ Safeguarding human rights in the era of artificial intelligence 03/07/2018 // <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/safeguarding-human-rights-in-the-era-of-artificial-intelligence>

специалистов по робототехнике в области науки и этики. В открытом письме¹, подготовленном в качестве ответа на эту инициативу и подписанном более чем 150 экспертами, подчеркивается, что подобные предложения ведут к ослаблению прав человека. При этом в нем дополнительно отмечается: «Правовой статус робота не может быть выведен из модели физического лица, поскольку робот тогда будет обладать правами человека, такими как право на достоинство... или права на гражданство, таким образом непосредственно сталкиваясь с правами человека»². А Джеймс Баррат – автор книги «Наше последнее изобретение» (о рисках, связанных с ИИ), охарактеризовав эту инициативу как забегающую далеко вперед, обратил внимание на следующее: «Не существует юридического органа, который будет обеспечивать соблюдение прав роботов, поэтому для них нет такой же меры достойных прав. И эта мера заключается в том, что у них нет ожиданий относительно будущего... поэтому права для роботов сейчас действительно бессмысленны»³.

Изложенную позицию, не приветствующую наделение роботов статусом «электронной личности», хотелось бы поддержать, дополнительно указав, что интеллектуальные роботы – это не только роботы-андроиды, игровые и бытовые роботы, но и военные, боевые, морские роботы, беспилотные летательные аппараты и беспилотные автомобили, космические и медицинские роботы, экзоскелеты и т.д. И нет никаких оснований наделять по сути правами человека, в частности, экзоскелет и беспилотное такси. Несмотря на то, что интеллектуальный робот управляется ИИ, он вовсе не становится самостоятельной «электронной личностью», способной критически мыслить, – на сегодняшний это всё та же информационно-вычислительная система, ограниченная заложенным в нее функционалом и имеющая соответствующую ее функциям материальную оболочку.

Большие данные

Развивая тему связи между алгоритмами, ИИ и большими данным хотелось бы сослаться на мнение Дж. Балкина, который пишет о том, что большие данные имеют решающее значение для использования и разработки алгоритмов и ИИ: «Алгоритмы и ИИ – это машины, большие данные – это топливо, которое позволяет машинам работать»⁴.

¹ См.: <https://g8fip1kplyr33r3krz5b97d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2018/04/RoboticsOpenLetter.pdf>

² Robot rights a major threat to humans – AI experts slam EU plan // <https://www.rt.com/news/424353-robot-human-rights-eu/>

³ Там же.

⁴ *Jack M. Balkin*. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation. P. 6.

Понятие «большие данные» (*big data*) не имеет общепризнанного определения (эксперты определяют его по-разному в зависимости от контекста) и употребляется в разных значениях.

Изначально большие данные рассматривали как огромный массив информации (данных). Причем большие данные – это не какая-то специфическая разновидность или обособленная категория данных: большие данные объединяют в своем составе все возможные виды данных, в том числе персональные данные, данные из социальных сетей, открытые государственные данные, данные машинного обучения и прочее. И этот непрерывно поступающий из разных источников поток огромных объемов разнообразной информации (различных сведений и данных) объединяется с уже накопленным колоссальным массивом информации, что позволяет говорить о постоянном росте накопленной информации – больших данных, характерными чертами которых признается то, что они огромны по своему физическому объему, имеют чрезвычайную скорость прироста и отличаются значительным многообразием.

В отношении больших данных довольно часто употребляют прозвучавшую еще в 2006 году и ставшую афоризмом фразу «Данные – это новая нефть!» (англ. – *Data is the new oil!*), которая приписывается британскому математику Клайву Хамби¹. Смысл этой фразы не в признании равноценности данных и нефти, а в констатации того, что, как и сырая нефть, *необработанные (сырые) данные* не представляют собой особой ценности: для того, чтобы данные создавали прибыль, они должны быть использованы – подвергнуты анализу, визуализированы, интегрированы и т.д. для принятия того или иного решения. Иными словами, огромные объемы собранной и накопленной информации, требующие существенных затрат на хранение, имеют только потенциальную коммерческую ценность. Реальную коммерческую ценность данные, полученные из потоков больших данных, могут приобрести лишь тогда, когда они используются для решения той или иной научной/социальной/коммерческой задачи – в алгоритмах².

Например, информация об активности пользователя на сайте компании (клики, проведенное время на конкретных страницах) или отзывы, оставленные пользователями в Интернете о какой-либо компании, не имеют ценности сами по себе. Однако обработка такой информации с упоминанием бренда компании и использование определенных алгоритмов обработки позволяют повышать клиентоориентированность и оценивать платежеспособность клиентов. В частности, согласно годовому отчету банка ВТБ за 2018 год одним из ключевых для него стало внедрение системы больших данных для построения предвидимых и рекомендательных моделей, которые включают систему

¹ См.: https://ana.blogs.com/maestros/2006/11/data_is_the_new.html

² См. подробнее: Рожкова М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 22 апреля // https://zakon.ru/blog/2019/4/22/cto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obyc.

мониторинга клиентов на предмет риска невозврата кредитов, проектов по возможным дефолтам клиента на основе анализа ленты новостей и др.¹

Таким образом, на сегодняшний день под термином «большие данные» понимают уже не собственно сами объемы накопленной информации, а упоминавшуюся в начале работы аналитику больших данных (*big data analytics*), которая предполагает обработку и структуризацию данных, создание алгоритмов анализа данных, агрегацию и анализ данных, выявление связей между данными, установление закономерностей и скрытых тенденций, построение прогнозов и т.п. и уже была названа «новой формой производства знаний». С учетом вышесказанного можно говорить о том, что именно алгоритмы, лежащие в основе *big data analytics*, позволяют превратить большой массив данных («сырые» данные) в действительный имущественный актив, имеющий коммерческую значимость.

Для целей настоящей работы важным представляется другой нюанс: в ситуации, когда большие данные представляют собой только необработанные («сырые») данные, они не могут представлять собой угрозы для прав человека, но, становясь «топливом» для алгоритмов и ИИ, а также иного использования, они вполне способны оказывать влияние на права человека.

Показательным примером в данном случае является скандал вокруг Cambridge Analytica, аналитической компании, которая с помощью аналитики больших данных собирала и обрабатывала данные пользователей Facebook без какого-либо согласия пользователей, а затем использовала полученные результаты, в том числе с целью влияния на политические предпочтения пользователей². Этот, а также ряд схожих примеров, в которых использование аналитики больших данных создают угрозу для права человека на свободные выборы, анализируются в вышеупомянутом Докладе об алгоритмах и правах человека. В нем, в частности, отмечается, что при использовании алгоритмов возможно создание намеренных идеологических предрассудков, нарушение права на свободные выборы.

Big data analytics может затрагивать и иные права человека, среди которых право на неприкосновенность частной жизни, право на самовыражение, право на справедливое судебное разбирательство, право на свободу объединения. Как отмечается в упоминавшемся докладе правозащитной организации Amnesty International, появление больших данных и возможностей, осуществление продолжительного цифрового мониторинга за индивидуумом является причиной «золотого века мониторинга», который был невозможен в доцифровом обществе.

¹ Годовой отчет ВТБ за 2018 год // <https://www.vtb.ru> > Files > aktsioneram-i-investoram > Annual_Report_2018

² Facebook-Cambridge Analytica scandal // <https://www.bbc.com/news/topics/c81zyn0888lt/facebook-cambridge-analytica-scandal>

В данном контексте следует отметить и первостепенную роль законодательства о персональных данных в установлении баланса интересов. В европейском правовом порядке персональные данные понимаются в неразрывной связи с правами человека, правом человека на неприкосновенность частной жизни, их охрана закрепляется в основополагающих международных актах в сфере прав человека¹. Как отмечается в Резолюции 2015/2103(INL)² от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике», имеется необходимость соблюдения высокого уровня охраны персональных данных при работе с ними ИИ. Это же условие применимо и к работе других алгоритмических технологий – комплексных технологий ИИ и больших данных, а также иных IT-решений, в том числе и тех, которые только появятся в будущем.

Резюмируя, надо признать, что становление «алгоритмического» общества открывает новые возможности для инновационного развития общества, но и порождает новые угрозы для фундаментальных прав человека – прав на неприкосновенность частной жизни, на равенство, свободу слова и другие. Однако вряд ли следует говорить о непреодолимости выявленных угроз, необходимости коренного изменения доктрины прав человека и правового регулирования общественных отношений. На наш взгляд, руководствуясь идеей баланса интересов и исходя из сущности новых технологий, нужно анализировать возможные угрозы правам человека в каждом случае, предпринимая своевременные меры, для предотвращения использования алгоритмических технологий во вред правам человека.

¹ Соответствующие положения содержатся во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международном пакте о гражданских и политических правах человека 1976 года, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (ETS № 108) 1981 года.

² European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.pdf